Казанков А.И. «Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать»: мемории западноуральских провинциалов о событиях начала XX века // Технологос. – 2019. – № 3. – С. 7–26. DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.3.01

Kazankov A.I. “These Days Someday We Will Recollect”: Memorials of the Western Ural Provincials about the Events of the Early Twentieth Century. *Technologos*, 2019, no.3, pp. 7-26. DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.3.01

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.3.01
УДК 316.35(470.5)″19″

«ЭТИ ДНИ КОГДА-НИБУДЬ МЫ БУДЕМ ВСПОМИНАТЬ»: МЕМОРИИ ЗАПАДНОУРАЛЬСКИХ ПРОВИНЦИАЛОВ О СОБЫТИЯХ НАЧАЛА XX ВЕКА

А.И. Казанков

Пермский государственный институт культуры, Пермь, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 20 апреля 2019 г.
Принята: 13 сентября 2019 г.
Опубликована: 04 октября 2019 г.

Ключевые слова:

историческая память, Россия, XX век, Пермский край, Русско-японская война, Первая мировая война, революция, Гражданская война.

АННОТАЦИЯ

Представлена реконструкция исторической памяти о событиях начала XX века в России. Эта память была сформирована в локальных сообществах (селах, деревнях, «заводах») Западного Урала, т.е. представляет собой мемории «маленьких людей», обращение к которым является одной из актуальных задач исторических исследований. Для этого необходимо, во-первых, выяснить, какие значимые исторические события остались в личном биографическом опыте обитателей уральской провинции; во-вторых, верифицировать содержащуюся в воспоминаниях информацию; в-третьих, проанализировать влияние на историческую память последующего социального опыта. Источниковой базой выступают материалы архивно-следственных дел, хранящиеся в фондах Пермского государственного архива социально-политической истории (ПермГАСПИ).

Наиболее информативными оказались коллективные дела лиц, принадлежащих к кругу «церковных людей», поскольку именно они регулярно становились объектом репрессий, их подробно допрашивали в ходе предварительного следствия, их разрабатывали многочисленные осведомители.

В результате было установлено, что в исторической памяти провинциальных жителей Западного Урала оставили след такие значимые военные и социальные конфликты, как Русско-японская война 1904–1905 годов, первая русская революция (1905–1907), Первая мировая война и революция 1917 года. Но главным событием в исторической памяти осталась все-таки Гражданская война, а сами воспоминания о ней подверглись самой значительной стилизации. Даже «язык памяти» указывает на глубочайший раскол, происшедший в пределах узкого круга лиц, хорошо знавших и помнивших друг друга. Нанесенные обиды и одержанные победы продолжали сохранять актуальность. Принадлежность к победителям или побежденным в Гражданской войне в значительной степени предопределила дальнейшую биографическую траекторию участников.

© ПНИПУ

© **Казанков Александр Игоревич** – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и философии, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6647-5047, e-mail: tokugava2005@rambler.ru.

© **Alexander I. Kazankov** – PhD, Associate Professor, Department of Cultural Science and Philosophy, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6647-5047, e-mail: tokugava2005@rambler.ru.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

“THESE DAYS SOMEDAY WE WILL RECOLLECT”: MEMORIALS OF THE WESTERN URAL PROVINCIALS ABOUT THE EVENTS OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY

Alexander I. Kazankov

Perm State Institute of Culture, Perm, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 20 April 2019
Accepted: 13 September 2019
Published: 04 October 2019

Keywords:

historical memory, Russia, the twentieth century, Perm Krai, the Russian-Japanese War, the First World War, revolution, civil war.

ABSTRACT

The reconstruction of historical memory of the events of the early twentieth century in Russia has been presented in the article. This memory was formed in local communities (settlements, villages, "factories") of the Western Urals, i.e. it is a memorial of "little people", the appeal to which is one of the urgent tasks of historical research. It is necessary, firstly, to find out what significant historical events remained in the personal biographical experience of the inhabitants of the Ural province; secondly, to verify the information contained in the memoirs; thirdly, to analyze the impact on the historical memory of subsequent social experience. The source base is the materials of archives and investigations stored in the funds of the Perm State Archive of Socio-Political History (Perm GASPI).

The most informative were the collective cases of persons belonging to the circle of “church people” appeared to be the most informative since namely those persons regularly became the object of repression, they were interrogated in detail during the prejudicial injury and they were developed by numerous informants.

As a result, it was found that in the historical memory of provincial residents of the Western Urals such significant military and social conflicts as the Russian-Japanese War of 1904–1905, the first Russian Revolution (1905–1907), the First World War and the Revolution of 1917 left their trace. But the main event in historical memory was still a civil war, and the very memories of it underwent the most significant stylization. Even the “language of memory" indicates a deep schism that occurred within a narrow circle of people who knew and remembered each other well. The grievances and victories won continued to remain their relevance. Belonging to the winners or defeated in the civil war to a large extent determined the further biographical trajectory of the participants.

© PNRPU

В фокусе предлагаемого исследования находится реконструкция исторической памяти о наиболее значимых событиях начала XX века, сформировавшейся в локальных сообществах обитателей западноуральской провинции. Поскольку воспоминания о *прошлом* – и это значимое обстоятельство – всегда существуют в каком-то *настоящем*, стоит добавить, что «настоящим» в данном случае является первая половина 1930-х годов.

Исследования исторической памяти сегодня представляют собой одну из «точек роста» гуманитарного знания. Появлявшиеся на протяжении XX – в начале XXI века пионерские работы Яна [1] и Алейды Ассман [2], П. Нора [3] и М. Хальбвакса [4] заложили основу устойчивой, динамично развивающейся историографической традиции. Вместе с тем, как отмечает Л.П. Репина, само значение понятия «историческая память» варьируется не только у разных авторов, но часто у одного и того же автора в разновременных публикациях, а иногда и в пределах одного текста, т.е. не является строгим: «Высокая востребованность понятия «историческая память» во многом объясняется как его собственной «нестрогостью» и наличием множества дефиниций, так и текучестью явления, концептуализированного в исходном понятии “память”» [5, с. 12].

Поэтому необходимо уточнить, какие именно определения исторической памяти наиболее релевантны поставленной цели.

Прежде всего, согласимся с тем, что историческая память не является пассивным слепком происшедшего. Она активно конструируется (а затем иногда и *реконструируется*) определенными сообществами. Именно группы определяют, что достойно памяти, а что – забвения, как относиться к прошлому и как об этом говорить (или молчать). Следовательно, ха-

рактер исторической памяти может служить к тому же индикатором межгрупповых и межпоколенческих разрывов.

Поскольку ниже будет рассматриваться историческая память, сложившаяся в пределах одного или двух поколений, ее свойства окажутся наиболее близки к тому, что часто определяется как «коммуникативная память». В отличие от культурной памяти, отчасти подвергшейся музеефикации, она обычно пристрастна и окрашена эмоциями. А передать это «пассионарное» отношение к прошлому можно главным образом в доверительном, личном общении. Поэтому основным источником ее реконструкции служат биографические нарративы личного происхождения: письма, дневники, интервью, мемуары. Но в данном случае будут использованы материалы архивно-следственных дел, хранящиеся в фондах Пермского государственного архива социально-политической истории (ПермГАСПИ), т.е. источники личного происхождения, сформированные под внешним принуждением: протоколы допросов, справки из сельсоветов, материалы агентурных разработок и т.п. В основном используются дела, относящиеся к довольно широкому кругу «церковных людей», так как именно они систематически подвергались преследованиям в 20–30-х годах XX века, причем не только в рамках массовых репрессивных кампаний (документальное сопровождение которых недостаточно информативно).

Имеющиеся в распоряжении автора тексты разбиты на две условных группы. В первую включены материалы, позволяющие увидеть, как тот или иной имярек «проходил» сквозь ключевые события начала XX века и какие из них (и как) оказались зафиксированы в исторической памяти. В другой подробно рассматриваются воспоминания регента церковного хора Нифонта (Агафонова), соотносимые, как ни странно, с активно формируемым властью каноническим нарративом о социал-демократическом подполье.

«Об огнях-пожарищах…»

Солнечным утром 22 июня 1934 года небольшая команда, проделав изрядный (порядка 40 километров) путь по тракту Оса – Кунгур, свернула с дороги и углубилась в лес. В ее составе были: уполномоченный Пермского оперативного сектора ОГПУ Попов, помощник уполномоченного Осинского райотдела ОГПУ Лихачев, двое понятых – сотрудник Осинского районного управления милиции Кобелев и священник деревни Новая Иван Осетров. Второй «понятой», а на самом деле – арестованный еще в начале мая подследственный был прихвачен не случайно. Если бы не помощь отца Иоанна, выступавшего в роли проводника, опергруппе едва ли бы удалось найти в версте от дороги основательно спрятанный в чаще «нелегальный» скит. Две крепких, рубленных «в лапу» бревенчатых клети оказались глубоко вкопанными в склон горы. В них помещались жилая келья и пещерная церковь [6]. От ее порога открывался дивный вид на поросшие лесом склоны долины Большой Турки, в холодной и чистой воде которой в изобилии водились хариусы[1]. Но отнюдь не красоты ландшафта занимали измученных жарой и вездесущими комарами оперативников. Они шли «кого-нибудь» задержать. А вот кто окажется в скиту (да и окажется ли там кто-то вообще), оставалось только предполагать.

Но в этот раз сотрудникам ОГПУ судьба благоприятствовала. В келье они обнаружили человека лет 60, назвавшегося иеромонахом Иосафатом. То что задержанный – человек бывалый, тертый и очень непрост, выяснилось довольно быстро. Начал он с того, что вручил липовую справку, удостоверявшую, что ее податель – гражданин Белоусов Никита Васильевич,

[1] «Местность тут очень хорошая, близко от пещеры протекает река, можно будет заняться рыболовством и пчеловодством, и одновременно молиться о спасении души, одновременно занимаясь богоугодными делами» (Из показаний обвиняемого Осетрова И.И от 10 июня 1934 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 173–175).

62 лет, происходит из деревни Свечкино, Фативского сельсовета Горьковского края. Впоследствии он абсолютно рационально и даже, пожалуй, ловко объяснит свои мотивы: «Справка действительно подложная, но на мое настоящее имя. Ее дали мне два каких-то прохожих неизвестных лица, встретившихся мне на дороге где-то. Документ этот мне необходим был при моих отлучках из пещерной кельи для того, чтобы меня не забрали. Был у меня настоящий документ – удостоверение личности, выданный Кунгурским отд. милиции приблизительно в 1925–1927 годах – но я его при настоящем моем аресте выбросил. Там, в том документе, была указана моя настоящая родина – Комаровский с/с Осинского р-на, и я опасался, что если меня задержат и проверят, то узнают, что я беглый» [7, л. 24–28].

Далее выяснилось, что иеромонах грамотен, и даже весьма, но совершенно игнорирует послеоктябрьскую реформу орфографии: свою фамилию он аккуратнейшим образом писал через «ять» и неукоснительно ставил «твердый знак» в конце; да к тому же вел обширную переписку[2]. Про то, что он «беглый», Никита Васильевич не соврал – ему действительно удалось в 1923 году бежать при ликвидации последнего Белогорского монастырского скита, настоятелем которого он являлся. Под его началом было более 40 человек (включая «больных и немощных» [8, л. 21–23]) – считай, усиленным взводом командовал, поэтому и решил удрать от конвоя, «опасаясь расстрела». А затем успешно скрывался около 10 лет – что тоже характеризует нашего героя определенным образом.

Однако все это не более чем прелюдия к анализу исторической памяти, носителем которой оказался иеромонах Иосафат (Белоусов), призванная сформировать у читателя предварительное представление об этом незаурядном человеке. 23 июня 1934 года, уже будучи разоблачён в качестве местного уроженца, на допросе в Осинском райотделе ОГПУ он довольно пространно и откровенно поведает о своей жизни. Вот небольшой фрагмент из этого мемуара: «До 21 года я жил и работал в хозяйстве отца, на 22 году, т.е. в 1898 году меня мобилизовали в царскую армию, в Балтийский флот, где служил на ледоколе «Ермак» в течение 4-х лет. В 1904 году во время Японской войны меня перевели на крейсер «Бородино» в качестве матроса и отправили на фронт на Дальний Восток. По приезду туда наш экипаж судна Япония разбила, крейсер «Бородино» был потоплен. По окончанию войны с Японией, т.е. после 7 лет моей службы в армии меня демобилизовали, и я вернулся на родину в хозяйство отца» [8, л. 21–23].

Отметим сразу, что воспоминания о «службе в царской армии» – обязательный элемент жизнеописаний, встречающийся *у всех мужчин*, которые успели там побывать. Для обитателей уральской глубинки это был рубежный эпизод биографии, первый, а иногда и единственный выход «в большой мир». Но далеко не все пытались хоть как-то описать события, относящиеся к этому периоду. Вот, например, типичные показания крестьянского сына, священника П.Г. Солина: «В 1915 году меня взяли в старую армию, где я служил по 1917 год включительно в качестве рядового. В 1917 году я из армии демобилизовался и возвратился обратно в свое с/хозяйство, где без перерыва работал до 1922 года» [9, л. 2–4]. В этом свидетельстве интересно то, что он не посчитал нужным упомянуть о пребывании на фронте, хотя это более чем вероятно – ротация войск в условиях длительной позиционной войны оставляла рядовому минимальные шансы избежать отправки на передовую.

Автор вправе предположить, что детализация подробностей военной службы иеромонаха Иосафата (Белоусова) произошла не случайно. Эти события он неоднократно обсуждал, они оказались «релевантны» тем сообществам, в которых он вращался. Это подлинные совоспоминания (*«commemoration»*), живые и значимые для нашего героя. Но если это так, то

[2] Письма упоминались на допросах, но в материалах следствия их нет.

Русско-японская война вовсе не была «забытой войной» – это раз, а воспоминания Никиты Васильевича носят уникальный характер – это два.

Прежде всего, молодой моряк, если верить его словам, сразу попал на легендарный, первый (и тогда единственный) в России ледокол арктического класса – «Ермак», который прибыл в Кронштадт в марте 1899 года. Далее, он должен был принимать участие в двух арктических плаваниях «Ермака», побывать в британском Ньюкасле и норвежском Тормсе, видеть голые скалы Шпицбергена, паковые льды Баренцева моря и северное сияние в небе над Землей Франца-Иосифа. Он, в конце концов, должен был «иметь знакомство» с адмиралом Степаном Осиповичем Макаровым, *лично* возглавлявшим экспедиции 1899 и 1901 годов.

Но какова вероятность того, что в семи верстах от деревни Криулиной по Осинскому тракту в середине 30-х годов XX века в полном уединении, отшельником «на нелегальном положении» доживал свой век свидетель рождения российского арктического ледокольного флота? Отбросив аргументы к здравому смыслу («такое нарочно не придумаешь»), автор всерьез занялся верификацией исторической памяти Н.В. Белоусова. И тут ему улыбнулась удача.

В 1901 году адмирал С.О. Макаров, уже успев издать сочинение «“Ермак” во льдах», готовился к новому плаванию. Оно прошло не совсем гладко – судно затерло ледяными полями у западного побережья Новой Земли, и в июле-августе ледокол вынужденно лежал в дрейфе, вследствие чего не смог оправдать всех возлагавшихся на него надежд. По возвращении в Кронштадт экономный министр финансов С.Ю. Витте настоял на том, чтобы «Ермак» впредь не использовался вне бассейна Балтийского моря и добился отстранения С.О. Макарова от руководства арктическими экспедициями. Но адмирал успел оставить небольшую рукопись «Плавание “Ермака”» на Новую Землю и Землю Франца-Иосифа в 1901 году», которая при его жизни так и не попала в печать. Впервые она была опубликована, как ни странно, в блокадном Ленинграде в 1943 году [10] и недавно воспроизведена по первому изданию [11]. В тексте Степан Осипович привел полный поименный список участников экспедиции – от капитана до юнги. Пятьдесят девятым в этом списке значится: «Никита Белоусов. Кочегар. 24 лет. Холост», с указанием, что в предыдущем походе он тоже принимал участие.

Экипаж ледокола «Ермак». Один из моряков на снимке – кочегар Н. Белоусов

Очевидно, воспоминания иеромонаха Иосафата (Белоусова), которыми он поделился с сотрудниками карательных органов, все-таки подлинные. А у нашего героя был гипотетический шанс снова встретиться с адмиралом С.О. Макаровым, если бы тот не погиб при взрыве «Петропавловска» 31 марта 1904 года, а продолжал командовать базирующейся в Порт-

Артуре 1-й эскадрой Тихоокеанского флота. Ведь именно туда направлялся эскадренный броненосец «Бородино» (ошибочно названный им крейсером), на который матрос Никита Белоусов был переведен с ледокола «Ермак».

Дальнейшие детали воспоминаний тоже совпадают. Входивший в первый броненосный отряд эскадры З.П. Рожественского «Бородино» 14 мая 1905 года после гибели флагмана вынужденно возглавил колонну российского флота в Цусимском проливе, и «наш экипаж судна Япония разбила». Около семи часов вечера на продолжающем вести огонь и уже имевшем сильный крен броненосце произошел взрыв боезапаса, он повалился на правый борт, перевернулся кверху килем и быстро затонул.

Тут-то и наступает момент, когда исследователя исторической памяти начинает интриговать даже не ее содержание, а, так сказать, сам факт ее наличия. Предоставим слово членам Исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 годов при Морском Генеральном штабе, образованной в 1908 году: «9-го Марта явился в Главный Морской Штаб *единственный спасшийся* с броненосца «Бородино» матрос (марсовой старшина) Семен Ющин. Он сообщил довольно подробно то, что ему пришлось видеть и пережить; следует заключить из показания этого *единственного свидетеля гибели броненосца «Бородино»*, что таковая произошла от мины, выпущенной в него при третьей минной атаке, с одного из многочисленных неприятельских миноносцев. Но в серьезное положение опасности затонуть броненосец был приведен уже раньше, во время артиллерийского боя» [12] (выделено автором – *А.К.*)[3].

Таким образом, авторитетная и компетентная правительственная комиссия, располагавшая доступом ко всем архивным документам, идентифицировала С. Ющина как *единственного человека*, пережившего катастрофу «Бородино». Возможно, определенное воздействие на ее выводы оказал опубликованный 1 апреля 1906 года в газете «Новое время» очерк, написанный *А. Новиковым*[4]. Фотография статного марсового старшины в лихо заломленной бескозырке и с обильно смазанными мылом остроконечными усами была довольно известна в среде читающей публики. Он был награжден Георгиевским крестом IV степени и сумел дожить до 1935 года в родной деревне Алкаево Темниковского уезда Тамбовской губернии [13]. В настоящее время история «единственного спасшегося» является неотъемлемым элементом любого нарратива о морском сражении 14 мая 1905 года – как научного, так и популярного [14]. Она включена в справочники и энциклопедии, ее знают поколения читателей «Цусимы».

Вот так историческая память превращается в культурную. Для С. Ющина судьбоносной стала встреча в японском лагере для военнопленных с земляком – баталером броненосца «Орел» А. Новиковым. Возможно, какую-то роль сыграло то, что через два года после демобилизации Никита Белоусов принял постриг и стал монахом Иосафатом. Художественная правда романа оказалась сильнее исторического факта – в июне 1934 года в Осинском районе нынешнего Пермского края действительно был арестован реальный свидетель тех событий, сохранивший о них живые воспоминания, – *второй с «Бородино»*.

Завершая этот «рассказ о неизвестном герое», которого все-таки «нашла милиция», остается проверить еще одну версию. Возможно, матрос Н. Белоусов участвовал в походе 2-й эскадры Тихоокеанского флота. Но нельзя исключить того, что в момент боя его на борту «Бородино» не оказалось – например, из-за болезни. Боевые корабли З.П. Рожественского

[3] С полным текстом показаний С.С. Ющина можно ознакомиться здесь: http://tsushima.su/forums/viewtopic.php?pid=271942#p271942 (дата обращения: 26.03.2019).

[4] Вторая публикация Алексея Силантьевича Новикова-Прибоя, о которой он узнал, вернувшись из плена весной 1906 года. В предисловии к роману «Цусима» автор сообщает, что получил за нее гонорар – 52 рубля, которые немедленно пропил с бывшими сослуживцами по броненосцу «Орел» – одноклассника «Бородино».

сопровождали два госпитальных судна – «Орел» и «Кострома». Оба были захвачены Японией. 17 мая 1905 года по прибытии «Орла» в порт Сасебо был составлен список больных, завизированный японской администрацией [15]. В нем действительно значится пятеро нижних чинов с «Бородино»: машинные кондуктора И. Васильев и А. Вострецов, машинист С. Иванов, фельдфебель Е. Борисов и гальванер Л. Вицкий.

Человѣкъ, возвращенный могилой.
Семенъ ЮЩИНЪ,
спасшійся съ броненосца «Бородино» въ бою при Цусимѣ. Командиръ корабля, офицеры и 900 человѣкъ команды погибли всѣ до одного. «Бородино» уже перевернулось вверхъ килемъ, когда Ющинъ находился въ лѣвомъ носовомъ казематѣ подъ верхней палубой, гдѣ стояли 75 мм. орудія. Какимъ-то чудомъ Ющину удалось выбраться изъ наполнившагося водой каземата и вынырнуть около носа броненосца.

«Человек, возвращенный могилой»

Поскольку нашего героя в этом списке нет, то остается признать: иеромонах Иосафат (Белоусов) действительно был носителем уникальной исторической памяти. Он помнил не только насквозь промерзшие сопки Новой Земли и норвежские фьорды, но и солнце Мадагаскара, смертный ужас в темной воде Японского моря, концентрационный лагерь и возвращение с чужбины на родину. Этот травматический опыт сформировал у него своеобразный, типичный для традиционной русской культуры этос: бегство как образ жизни. Сначала в 1907 году Никита Белоусов бежал из мира в монастырь, потом в 1923 году – из-под конвоя «на волю» и продолжал кататься по советской России ушедшим ото всех сказочным Колобком – до момента ареста. Проявляя при этом ловкость, изобретательность и поразительное бесстрашие.

Любопытно, что он умудрился «не вспомнить» событий революции 1905–1907 годов, на которые обратил пристальное внимание обладатель, казалось бы, аналогичного опыта – А.С. Новиков-Прибой. Это, заметим, вполне предсказуемо – они принадлежали к одному поколению, но к разным социальным группам. Единственное найденное автором спонтанное, не инициированное пермским истпартом воспоминание о первой русской революции, которое будет рассмотрено далее, вышло именно из круга «народной интеллигенции». Поэтому можно сразу перейти к мемориям, примыкающим к Первой мировой войне и революционным событиям 1917 года – следующему историческому испытанию, сквозь которое пришлось пройти обитателям уральской провинции.

Великая война всплывает в исторической памяти с удивительной регулярностью, но воспоминания разнятся по степени детализированности. Кто-то, подобно процитированному ранее П.Г. Солину, просто называет год мобилизации и год демобилизации. Вот, например, свидетельство М.Н. Морсковатых: «В 1915 году меня мобилизовали в царскую армию, где я прослужил до конца 1917 года» [16, л. 82–87]. То что эти три года он провел вовсе не в тыловых гарнизонах, известно абсолютно точно: на другом допросе Михаил Морсковатых вскользь упомянет, что был на фронте и покинул его в связи с ранением[5].

Обычно воспоминания этого человека отличаются многословием и подробностью. В течение нескольких лет, предшествующих аресту, он был так называемым «бродячим проповедником», много читал, успел прослыть в церквах Кунгурского и Кишертского районов знатоком и толкователем Священного писания, даже умел составлять конспекты. Своим статусом «интеллектуала» гордился и неоднократно подчеркивал его в беседах со следователями. Ми-

[5] «В конце 1917 г. я по ранению уехал с фронта в госпиталь, откуда в армию больше не возвращался» (Протокол допроса обвиняемого Морсковатых М.Н. от 4 августа 1934 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 106–108).

хаил Морсковатых – один из немногих, кто помнил о революционных событиях 1917 года и сумел отчетливо сформулировать свое отношение к ним, а заодно и к Первой мировой войне: «Во время февральской революции 1917 года я находился в рядах старой армии на фронте рядовым солдатом. Свержение царя я воспринял радостно, о чем, помню, писал в своих письмах на родину. Я тогда считал, что вслед за свержением царя будет заключен мир. Октябрьскую революцию я встретил так же восторженно, т.к. возлагал надежды, что большевистское правительство, чего не сделало правительство Керенского – прекратит войну» [17, л. 106–108].

Иногда, вспоминая о войне, бывшие солдаты указывали фронт, на который им довелось попасть. Но приводили не официальное его название (Северный, Западный и т.д.), а народное, определяющее противника – «германский» или «австрийский»: «С 1914 по 1917 г. служил в царской армии в чине ефрейтора и был на германском фронте» [18, л. 57–63]; «В 1917 году в июле месяце 15 числа приехал домой и взяли в царскую армию, был на австрийском фронте до 1918 года января» [19, л. 20–21].

Автору удалось обнаружить только один случай, когда солдат Первой мировой посчитал нужным назвать подразделения, где ему довелось служить. Г.И. Соколов (который всегда был очень точен в своих воспоминаниях) сообщил: «28 июля 1914 года меня мобилизовали на империалистическую войну, служил я там 2 года 10 месяцев в лазарете 49 дивизии санитаром и 8 мес. в 195 полку, а в конце 1917 года уволился по демобилизации» [20, л. 39–42]. Правда, Григорий Иванович не указал, где именно он воевал, но в этом нет необходимости. Боевой путь 49-й дивизии императорской армии, в состав которой входил и 195-й Оровайский пехотный полк, достаточно изучен [21]. Дивизия комплектовалась в Пермской и Вятской губерниях, ее штаб находился в г. Перми. С началом войны она была включена в состав 8-й армии Юго-Западного фронта, которой командовал генерал-лейтенант А.А. Брусилов, и размещена на ее левом фланге, в районе г. Галича. Именно там, в Галиции, начался фронтовой путь санитара Г.И. Соколова. А закончился он в пехоте, судя по всему, где-то в районе горного массива Мунте-Корунта в Румынии.

Обратим внимание на некоторые особенности исторической памяти о Первой мировой войне. Прежде всего, о ней помнили – поскольку говорили об этом. Этих воспоминаний не стыдились, но в них и не погружались с головой: не называли мест, имен, не указывали событий, не производили оценок. Забегая вперед, скажем, что эта память разительно отличается от памяти о событиях Гражданской войны. Яркие и эмоциональные мемории о Гражданской словно бы вытеснили, «затоптали» воспоминания о предыдущей мировой войне. Это, возможно, объясняется тем, что военные действия происходили где-то вне освоенных и понятных мест повседневной жизни. «Карпаты», «Галиция», «Польша», «Румыния» в ментальности жителей уральской провинции являлись, безусловно, пространствами *мифическими*. События же Гражданской войны разворачивались здесь, прямо в «нашей деревне», и участвовали в них не какие-то безвестные «немцы» или «австрияки», а, натурально, хорошие знакомые, односельчане. Пребывание на «германском фронте» никак не повлияло на дальнейшую судьбу человека, а участие в Гражданской войне, точнее – *его характер*, во многом предопределяло ее.

В воспоминаниях Д.А. Агеева, проживавшего в деревне Агеево Верещагинского района, можно обнаружить след еще одного значимого события бурной поры 1917 года: «В июне месяце 1917 года был выбран на всероссийский съезд от старообрядцев» [19, л. 20–21]. Демид Агеев делал вполне успешную карьеру, он поднялся до заместителя председателя колхоза, поэтому в своей автобиографии умело педалировал причастность к становлению советской власти: «В 1918 году в феврале месяце меня выбрали председателем Денисовского волисполкома, где работал до апреля месяца, после того я работал дома в хозяйстве, имел посева от 4 до 5 десятин. В октябре месяце 1918 года вступил в партию большевиков, где был до мобилиза-

ции 1919 г. января месяца. В январе месяце 1919 года был мобилизован в Красную Армию, где прослужил до августа месяца 1919 г., так как был демобилизован по годам» [19, л. 20–21].

Если бы не трагическая случайность – в 1937 году он был разоблачен как вредитель и морально разложившийся тип, развратник и пьяница, – вполне возможно, что рассказывал бы пионерам о том, как на I Всероссийском съезде советов видел В.И. Ленина и лично слышал слова: «Есть такая партия!»

Гражданская война занимает в памяти западноуральских провинциалов особенное место. О ней напоминали односельчане (иногда даже члены семьи), официальная пропаганда, каждая заполняемая анкета, места, вещи – одним словом, почти весь фон повседневной жизни. Воспоминания о ней тщательно стилизованы и демонстрируют все хрестоматийные черты исторической памяти, зафиксированные в историографии. Прежде всего, они отчетливо носят коллективный, групповой характер, и поэтому представлены в двух модальностях. Первую можно условно обозначить как «нейтрально-повествовательную», а вторую – «агрессивно-обличительную».

Все люди, чью память сохранили органы ОГПУ-НКВД, по занимаемой ими в ходе следствия позиции делятся на *обвиняемых* и *свидетелей* (к которым, безусловно, относятся осведомители и сочинявшие справки и характеристики члены сельсоветов). Первая группа демонстрировала «противосоветские» (как тогда писали) настроения, вторая, соответственно, – «просоветские». Тип воспоминаний о Гражданской войне был строго соотнесен с группой.

Воспоминания первой группы отличает прежде всего то, что они – «о себе», а затем – минимализм, обтекаемость и нейтрально-безоценочный характер. Воспоминания второй группы – всегда «о других», они подробны, детализированы, пристрастны, их цель – разоблачить, сорвать маску.

В среде первой группы выработалась характерная формула «отступал (или эвакуировался) с белыми», «был мобилизован». Например: «Весной 1919 года, при отступлении белых, последними я был мобилизован, и отступил с ними до ст. Иланской за гор. Красноярском, служил в качестве санитара в лазарете 2 армии доктора Качкина. В декабре 1919 года нас взяли красные в плен, после чего я служил в армии красных на том же поезде и в этой же должности до июля м-ца 1920 года» [22, л. 39–42]; «В период гражданской войны я один без семьи эвакуировался с Колчаком до гор. Свердловска, по возвращении домой из Свердловска (Екатеринбург) я был арестован и сидел под стражей в гор. Перми в течение 6 месяцев» [23, л.13–14].

Еще лучше было подчеркнуть свое полное неучастие в событиях русской смуты: «В 1918 работал фотографом в Усолье. С 1919 года по 1921 г. служил в Кунгуре младшим и участковым милиционером» [24, л. 57–63]; «В гражданскую войну я пробыл в скиту – с белыми не отступал» [25, л. 21–23]; «В конце 1917 я выехал из Москвы в Пермь, Ст. Ляды к матери, где меня и застала Октябрьская революция. Участия в ней я никакого не принимал и проживал здесь до 1919 года. При занятии Ст. Лядов белыми войсками в феврале м-це я ушел в монастырь городищенский около завода Чусовой» [26, л. 82].

В самом крайнем случае, когда отпереться не было никакой возможности, можно было утверждать: «я просто делал свою работу». Именно так и поступил священник М.А. Козьмин, который в апреле 1919 года сам обратился к начальнику военного полевого контроля белых с просьбой принять его на работу цензором. Ссылаясь, кстати, на свой дореволюционный опыт службы в жандармском управлении. Он был направлен в распоряжение контрразведки 1-й Сибирской армии под начальство Николая Аверкиевича (фамилии которого не помнил[6]). О своей работе вспо-

[6] Возможно, имеется в виду Филиппов Николай Аверкиевич, арестованный 20 января 1920 года в г. Енисейске, осужденный Енисейской УЧК к ВМН и расстрелянный 12 июня того же года по обвинению в службе в колчаковской контрразведке (Кардаш Д. Взгляд из прошлого в будущее (некоторый анализ рукописи общественного деятеля М.П. Миндаровского) [Электронный ресурс]. URL: http://www.memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/03/Kardash/1.htm (дата обращения: 26.03.2019)).

минал так: «Работа моя заключалась в чтении писем, как местного населения, так и солдат. Я задерживал письма, которые полагалось по инструкции» [27, л. 12]. Далее стандартное: «Эвакуировался с белыми в г. Новониколаевск, где службу в контрразведке оставил и поступил священником в одну из церквей» [27, л. 12 об. – 13].

Гражданская война разделила несколько поколений жителей советской России на победителей и побежденных. *«Vae victis!»*, и побежденные усвоили похвальную сдержанность в воспоминаниях. Победителям не принято предъявлять претензий, упрекать в жестокости и беспощадности, вероломстве и коварстве.

Зато та группа, которую мы условно обозначили как *свидетелей*, явно ассоциировала себя с победителями и готова была «писать всякое лыко в строку». Даже если какой-то имярек действительно просто «отступил с белыми в Сибирь», обязательно находился односельчанин, который хорошо помнил, что сделал он это умышленно, а то и злонамеренно, да и отступал дальше, чем сообщал впоследствии. Вот что сообщал агентурный источник «Перо» о священнике М.В. Мамонтове: «Когда была эвакуация Колчака, тогда МАМОНТОВ оставил приход самовольно и отступал с белыми в Сибирь вплоть до гор. Иркутска. В этом он не сознается, а говорит, что все это произошло случайно: “Хотел доехать только до Екатеринбурга (Свердловска) повидаться с братом и ошибочно проехал до Иркутска”» [28, л. 13–14].

Другой неизвестный осведомитель запомнил даже тосты, произнесенные на банкете по случаю вступления Сибирской армии в г. Чердынь: «Тетюев Александр Павлович 1879 года рождения происходит из села Салтаново быв. Чердынского у., из семьи служителя культа, окончил городское училище, с приходом белых в Чердынь – гарнизонный священник ихних войск, участник и инициатор всех благодарственных молебнов и торжеств по случаю победы белой армии над красными, он же был инициатором встречи с крестным ходом и хлебом-солью вступающий белых банд в г. Чердынь, а после их вступления участник банкета, устроенного духовенством и купечеством г. Чердыни. По случаю изгнания большевиков, где Тетюев выступал от имени духовенства и мирян с тостом в честь белой армии за многие лета правительства Колчака и за здравие белогвардейской команды, да здравствует единая и неделимая Россия, да здравствует ее правитель Колчак, этими словами он закончил тост» [25, л. 29–30].

Разумеется, вспоминали о выпоротых и расстрелянных: «Сторожев Захар Федорович середняк в прошлом. В 1919 году добровольно участвовал в белой дружине по захвату красноармейского отряда Белоногова, впоследствии расстрелянного белыми в Чердыни» [3о, л. 8]. Вот что вписал недрогнувшей рукой актив Троельгинского сельсовета в характеристику священника А.Ф. Шастина: «В период пребывания Колчака принимал активное участие на заседаниях следственной комиссии, в вынесении решений над сочувствующими советской власти и коммунистам вплоть до порки и расстрела. В результате были расстреляны по его инициативе 1) Заборских Вас. Леон. дер. Заборская, 2) Симонов Иван Осипов. дер. Н. Шавляш, 3) Симонов Иван Васил. дер. Н. Шавляш, 4) Овчинников Никон д. В. Шавляш и других 12 человек приведенных из других мест не известны фамилии, расстреляны по инициативе троельгинской следственной комиссии и попа Шастина. Выпорото до 30 человек, сочувствующих соввласти и коммунистов. По инициативе попа Шастина и следственной комиссии при Колчаке, сочувствующие советской власти в с. Троельга и других деревень были арестованы 18 человек и отправлены в глубь Сибири, из них вернулись путем побега 5 человек, остальные расстреляны» [31, л. 135–136].

Разумеется, четыре активиста во главе с председателем Троельгинского сельсовета удостоверили круглой печатью именно историческую память о Гражданской войне в том виде, в каком

она была сконструирована (и, добавим, *правильно* сконструирована) победителями. То что эта конструкция не вполне соответствует действительности, попытался доказать сам А.Ф. Шастин, и на страницах протокола допроса развернулась настоящая «битва воспоминаний»:

«Вопрос: Следствие располагает доказательствами о том, что Вы при белых состояли вводным членом следственной комиссии, по Вашему доносу гр-н Калинин К.И. получил 150 плетей. Признаете в этом себя виновным?

Ответ: Нет, в этом я себя виновным не признаю. Никакого отношения к следственной комиссии при белых я не имел.

Вопрос: Вам предъявляются показ. свид. Калинина К.И. от 26/X – 35 г.?

Ответ: Свидетеля Калинина К.И. я совершенно не знаю. При белых был выпорот за сочувствие белым [rec.: красным] не Константин Ильич, а Константин Анисимович Калинин, но я в это не виноват, т.к. следственной комиссии на него не доносил. Показания Калинина о том, что, якобы, я оказывал торжественную встречу белым не соответствуют действительности [31, л. 89 – 90 об.].

Вопрос: Вам зачитываются показания свид. Кузнецова П.В., изобличающие Вас в том, что в период колчаковщины к Вам обращались семьи репрессированных, над которыми Вы издевались, что Вы можете показать по существу показаний Кузнецова?

Ответ: Отец Кузнецова действительно обращался ко мне с просьбой дать ему согласие на освобождение его сына. Я согласие дать не мог, т.к. я к следственной комиссии не имел никакого отношения. Но, в то же время, ходил с Кузнецовым к коменданту дружины и просил освободить сына Кузнецова. Результаты беседы с комендантом я не помню, но, насколько помню, что по моей просьбе освобожден не был» [32, л. 93–94].

Историческая память о Гражданской войне иногда выступала не только поводом для сведения счетов в публичном пространстве, но и орудием интимно-личной вендетты. Так, гражданка Мустакимова из села Краснояр Бардымского района попыталась использовать воспоминания о спрятанном пулемете в целях наказания неверного мужа: «Летом 1931 года проходя по улице дер. Краснояр я услышал шум в доме Мустакимова Гафурзяна и зашел посмотреть. Зайдя в дом Мустакимова Г. я видел ссорившихся Мустакимова Г. с женой его Мустакимовой имя не знаю. Во время ссоры жена его Мустакимова заявила мужу Гафурзяну: «Ладно, попадешь!». Мустакимов Г. в ответ ей сказал: «Ты что меня пугаешь, я тебя не боюсь». Спустя недели две после этой ссоры в 1931 г. я шел с поля «Каракучи» домой в дер. Краснояр и дорогой встретился с Мустакимовым Гафурзяном. В разговоре я спросил у него: «За что ссорился женой и что она тебе хотела сделать?». Мустакимов Г. мне ответил: «Я к другой ходил и потому она ругала, а угрожала она мне тем: она знает наш пулемет и хочет нас пугать, но пулемет спрятан далеко, и она не знает, куда он спрятан». Я спросил у него какой пулемет и где вы его взяли. Мустакимов Г. мне ответил: «В 1918 г. во время гражданской войны в чулане был оставлен пулемет, патроны и винтовки красными. Мой отец нашел его, позвал меня, и мы вдвоем спрятали пулемет максима и несколько ящиков патрон» [33, л. 108–108 об.].

Продемонстрированные нами казусы – не более чем вершина айсберга, волею случая зафиксированная исследовательской оптикой. Можно смело утверждать, что дважды прокатившаяся по Уралу Гражданская война оставила неизгладимый след в исторической памяти, заняла в ней доминирующее место. Прошло полтора десятилетия, но воспоминания оставались живыми и «горячими», плотно вплетенными в ткань повседневной жизни. Они были бессчетное количество раз обсуждены-проговорены, явно подверглись коллективной обработке и уже приобретали характер предрассудка. Их содержание может служить надежным индикатором групповой принадлежности и происшедшего в небольших локальных сообществах раз-

межевания. Тем более острого от того, что и победители, и побежденные были еще живы и ходили по одним и тем же деревенским улочкам. В дискурсе победителей уже отчетливо прочитывается тот паттерн, который вскоре на десятилетия определит культурную память о Гражданской войне, превратится в штампы и стереотипы советского агитпропа. Чего стоит хотя бы поп, поднимающий рюмку водки на банкете в честь прихода белогвардейцев.

Но была и оборотная сторона – память о поражении, которая также стала доминантой опыта побежденных. Да, они выжили. Они научились выживать в немыслимых условиях – в затопленных отсеках броненосца, в дымящихся ипритом окопах Первой мировой, в тифозных госпиталях Гражданской… Но они не смогли победить, а те, другие, никогда не уставали напоминать им об этом. В этом отношении фигура Никиты-Иосафата Белоусова более чем символична – герой, достойный эпоса, вернувшийся с того света для того, чтобы быть отвергнутым этим, и сам его не принявший. Криминализированный маргинал, обреченный на полное жизненное фиаско.

«О друзьях-товарищах…»

В отличие от Иосафата (Белоусова), «не заметившего» первой русской революции, другой иеромонах – Нифонт (Агафонов) помнил ее хорошо. На территории нынешнего Пермского края его подвергали репрессиям трижды: в 1921, 1929 и 1937 годах. После первого задержания следствие не велось и суда не было, но два других архивно-следственных дела хранятся в Пермском государственном архиве социально-политической истории. Автору уже доводилось писать об этом незаурядном человеке [34]. Еще в ту пору, когда Нифонт (Агафонов) был настоятелем полуподпольного монастыря на Саломатиной горе в Чусовском районе, про него уже ходили невероятно соблазнительные сплетни: «Личность он весьма темная, есть слухи, что он в 1900–1917 г. был членом социал-демократической партии меньшевиков, до третьего съезда партии работал вместе с Лениным, после которого ушел при расколе к правым, два раза сидел в царское время в тюрьме. После Октябрьской революции скрывался от красных и приехал в Городище во время белых банд. До февральской революции был в г. Москве служил артистом в одном из императорских театров. Происхождение его весьма темное: некоторым он говорит, что родиной из г. Петрограда, и настоящее имя его Савелий, а другим говорит Николай» [35, л. 4].

Тогда, в 1929 году, эти свидетельства ровным счетом никого не заинтересовали. Получив три года исправительно-трудовых лагерей Нифонт (Агафонов) освободился и продолжил церковное служение. 1937 год он встретил, будучи регентом и помощником сторожа в церкви деревни Копыловка Оханского горсовета, где и был включен в списки массовой операции, проводившейся на основании оперативного приказа народного комиссара внутренних дел № 00447.

Тут-то и выяснилось, что десятилетия глорификации социал-демократического подполья не прошли впустую. Оперативник Оханского РО НКВД стал расспрашивать нашего героя о партийном прошлом, хотя, строго говоря, вовсе не должен был этого делать. А арестованный иеромонах постарался подробно ему ответить. Состоявшийся диалог автор считает целесообразным воспроизвести полностью для того, чтобы затем подвергнуть воспоминания Нифонта (Агафонова) верификации и анализу.

«Вопрос: Вы в своих автобиографических сведениях указываете, что состояли в партии РСДРП большевиков. При каких обстоятельствах вы вступили в партию?

Ответ: Проживая в Москве, но где сейчас уже не помню, работал в городской думе в качестве делопроизводителя и счетовода по хозяйственной заготовке дров для городских зданий, вращался в кружках студенчества и занимался своим самообразованием и посещал разные нелегальные собрания, лекции и примкнул к партии большевиков в 1904 году, м-ц не помню, сейчас я не помню, кто меня принял и предложил вступить в партию.

Вопрос: Вы посещали партсобрания и какую работу выполняли в партии?

Ответ: Да, я посещал нелегальные собрания, но где они были сейчас сказать не могу. Лично я распространял нелегальную литературу. В 1905 году в феврале месяце я переехал в Петербург по личному желанию и устроился там через Трефилова Аркадия, бывшего моего знакомого товарища по Перми на его квартиру, в которой впоследствии остался один как содержатель конспиративной квартиры. Через меня шло оружие и часть литературы, приносили оружие члены партии, но кто – для меня не известно. А на моей обязанности было по условным знакам – шифру выдавать приходящим за этим оружием, два или три раза я лично сам перевозил оружие и патроны на лютеранское кладбище к сторожу этого кладбища и сдавал ему по указаниям лиц, которые приносили это оружие. В июле м-це я по заданию партии был устроен на завод заведующим расчетными книжками, но какой завод не помню. Проработав полтора месяца, я был арестован и заключен в одиночное заключение на Шпалерной улице. По окончанию следствия в сентябре м-це я был переведен на Выборгскую сторону в тюрьму, в так называемые Кресты. В конце октября 1905 года был по амнистии освобожден, после этого я продолжал работать в партии при редакции газеты «Новая жизнь», а затем эту газету переименовали в «Северную Звезду», были этой же газеты и другие названия, но их не помню сейчас. В редакции я проработал месяца два или полтора и по рекомендации партийных работников (каких – не помню) я устроился личным секретарем у профессора Леснера, только что вернувшегося из эмиграции и редактировал марксистскую переводную литературу. У него проработал м-ца полтора-два и мне вместе с Трефиловым Аркадием предложено было выехать в Самару для восстановления организации в Самаре. Нам были даны явки и к какому-то частному врачу, но ничего нам здесь установить не пришлось. Пробыв месяц уже по своей инициативе выехали в начале 1906 года в город Пермь. В Перми связались с партией и взялись организовать тайную типографию, в этой типографии я непосредственно не работал, но все что надо было для типографии и все, что в ней печаталось все шло через меня от Трефилова, из типографии ко мне приходил товарищ, но фамилии и клички его не помню, типография была расположена где-то за пересыльной тюрьмой, но где – адреса я не знал. Проживал я по улице Разгуляй, но № дома не помню. Хозяйка служила на железной дороге по фамилии Ягодникова Валентина как будто бы Николаевна, брат ее Вениамин служил где-то в ж/дор складе.

В 1907 году организация была разгромлена, я в числе других был арестован и содержался в Пермской тюрьме недели 2 или 3 и был освобожден, т.к. обвиняемые на очных ставках меня не признали. После этого типография сама по себе ликвидировалась. Я остался один и занялся изучением постановки голоса и в 1907 году в конце я возвратился обратно в Петербург и поступил на музыкально-драматические курсы. Окончить их не пришлось, проучился два года и поступил в народный дом в Петербурге в качестве артиста оперного хора. В 1911 или 1912 году по договору я переехал в Московский свободный театр, в этом театре я работал до 1916 года, участвовал в киносъемках, ездил в Крым, а также был и в драматических труппах, бывал в Харькове, Симферополе, Севастополе и других городах. В 1916 году я был призван как ратник ополченец в армию, но по болезни был из армии освобожден и занялся частными уроками как учитель подготовкой в учебные заведения» [36, л. 82].

Если верить Николаю Павловичу Агафонову (так его звали до принятия пострига), он прожил богатую событиями жизнь: участвовал в революционных событиях 1905 года в Санкт-Петербурге, работал в пермском подполье в 1906 – 1907 годах, пел в столичных театрах, снимался в кино, гастролировал по южным провинциям Российской империи. Но первоочередной интерес, разумеется, представляют его воспоминания о партийной работе. Чему из них можно верить?

О «московском» периоде его биографии едва ли удастся найти какие-либо достоверные сведения. Упоминание о вступлении в РСДРП(б) в 1904 году тоже придется оставить на его совести – в партии тогда не было формального членства. Но в воспоминаниях о Петербурге появляются детали, поддающиеся проверке. Прежде всего, он называет имя (единственное, кстати, во всем мемуаре) своего «товарища по партии» – Аркадия Трефилова. Персонаж это вполне реальный[7], но только вот в большевизме никогда замечен не был. Действительно, земляк и, несомненно, – знакомец по пермскому прошлому. Его имя еще дважды всплывет в воспоминаниях Николая Павловича.

Эпизод со складом оружия на лютеранском кладбище, при всем том, что на первый взгляд он отдает если не опереттой, то уж оперой «Разбойники» точно, оказался вполне достоверным. Предоставим слово непосредственному участнику событий: «Из конспиративных квартир помню квартиру сестер Малоземовых на Екатерингофском пр., там, где он подходит к Екатерининскому каналу; далее – одну квартиру на Покровской площади (в конце Садовой). Помню затем, что по хранению оружия и т.п. мне пришлось быть на Волковом кладбище (лютеранском). Среди персонала сторожей этого кладбища был один наш человек, и я по поручению организации ходил туда и удостоверился путем личного осмотра в пригодности избранного места хранения. Это был склеп с подвижной надгробной плитой, и к нему, как было намечено, надо было подвезти оружие через брешь задней ограды, выходившей на малопосещаемую проезжую дорогу. Сторож был латыш или эстонец, фамилии его не помню. Это хранилище предполагалось использовать для ожидавшейся большой партии оружия с парохода «Джон Графтон» [38, с. 175].

Даты, указывающие на середину лета, совпадают: прибытие «Джона Графтона» ожидалось в начале августа 1905 года. Судя по всему, наш герой являлся непосредственным участником событий – иначе откуда бы ему знать эти детали? В сентябре 1905 года Н.П. Агафонов, по его словам, был впервые арестован и помещен в легендарную «шпалерку» – дом предварительного заключения, располагавшийся по адресу ул. Шпалерная, 25 в Санкт-Петербурге. Упомянутая в тексте деталь – «одиночное заключение» вызывает доверие. Из 385 камер 317 были одиночными [38]. Обоснованно выглядит и перевод в «Кресты» после окончания следствия.

После освобождения по амнистии в конце октября 1905 года будущий иеромонах, по его словам, оказался в редакции газеты «Новая жизнь». Действительно, первая легальная большевистская газета (названное Н.П. Агафоновым издание), издавалась в Петербурге и выходила ежедневно с 27 октября (9 ноября) по 3(16) декабря 1905. Даты опять совпадают. Более того, эти воспоминания косвенно подтверждают слухи о том, что он «работал вместе с Лениным». Биографическая хроника В.И. Ленина сообщает: «*Между 9 (22) ноября и 3 (16) декабря.* Ленин возглавляет редакцию газеты «Новая жизнь», которая становится фактически Центральным Органом партии. Почти ежедневно Ленин работает в редакции «Новой жизни», проводит

[7] ТРЕФИЛОВ АРКАДИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1882 г. – после 1925 г.), политический деятель (меньшевик). Партийный псевд. Семен Рыжий. Из семьи сельского обывателя Серебрянского завода Кунгурского уезда Перм. губернии. Рано включился в революционное движение. С 19 окт. 1906 г. находился под наблюдением полиции. 10 марта 1907 г. был арестован по делу Перм. группы РСДРП и посажен в тюрьму, но вскоре освобожден. 16 сент. 1909 г. оправдан за недостаточностью улик, отдан под особый надзор полиции. В 1908 г. служил конторщиком у торговца Л.Ш. Ахметова, затем – заведующий канцелярией в об-ве потребителей служащих Перм. ж. д.. В 1911 – 1912 гг. – сотрудник редакционной коллегии газ. «Пермский край», в 1915 – 1916 гг. – соредактор журн. «Железнодорожник – потребитель». 15 марта 1915 г. избран членом Перм. об-ва потребителей «Объединение». Кроме того, известен как активный участник художественной самодеятельности: входил в состав драматического кружка г. Перми. В 1917 г. – член Перм. комитета РСДРП, председатель профсоюза железнодорожного об-ва потребителей, член правления профсоюза торгово-промышленных служащих, гласный Перм. городской Думы. В 1919 г., при белых – член Перм. городской управы. Покинул г. Пермь вместе с отступавшими белыми войсками. В 1920-е гг. жил в г. Новосибирске». (ГАПО. Ф. 142. Оп. 2. Д. 73; Ф. 161. Оп. 1. Д. 1; Ф. Р – 1251. Оп. 1. Д. 104. Л. 20 (об.). См. также: Шумилов Е.Н. Государственные, политические, общественные деятели Пермской губернии (1905–1919 гг.). – 2-е изд., перераб. – Пермь, 2005; Шумилов Е.Н. http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803915113 (дата обращения: 26.03.2019).

здесь совещания ЦК и ПК РСДРП, встречается с партийными работниками. Ленин руководит редакционными совещаниями газеты «Новая жизнь», на которых обсуждается основной материал газеты» [39]. За полтора-два месяца они должны были непременно столкнуться в коридорах редакции, к тому же типография располагалась в этом же здании.

Следующее замечание о том, что «Новую жизнь» переименовали в «Северную звезду», не выдерживает критики. Прежде всего, в списке периодических изданий Российской империи за 1905 год такой газеты не значится [40]. Правда, в нем имеется журнал «Полярная звезда», который начинает выходить 15 декабря, т.е. именно тогда, когда «Новая жизнь» закрывается. Но для его исчерпывающей характеристики достаточно указать, что с декабря 1905-го по март 1906-го его редактором был П.Б. Струве и никакой преемственности между *социал-демократической газетой* и откровенно *кадетским журналом* быть не может. Здесь у читателя воспоминаний Николая Павловича невольно могут закрасться сомнения: а понимал ли он вообще не только деликатные различия между социалистическими партиями, но – хотя бы спектр основных направлений российского освободительного движения?

Конец 1905 года молодой человек проводит в должности личного секретаря профессора, обозначенного в протоколе как «Леснер». Вероятнее всего, следователь просто неверно расслышал допрашиваемого. Никакого профессора с таким именем в социал-демократических кругах Петербурга ни до, ни после 1905 года не обнаруживается. А вот профессор Михаил Андреевич Рейснер[8] действительно именно в это время возвращается из эмиграции. Очень возможно, что Николай Агафонов работал именно у него.

Подводя итог попыткам верифицировать воспоминания Н.П. Агафонова о петербургском периоде его жизни, следует признать, что все сказанное им либо прямо подтверждается, либо полностью согласуется с целым комплексом фактов, достоверность которых не вызывает сомнений. 25-летний интеллигент «из народа» в период революционного подъема находился в столице и вращался в кругу, близком к руководству РСДРП. Он принимал участие в нелегальной и легальной деятельности, выполнял довольно опасные поручения, подвергался репрессиям. Ведь не в книжках же, в конце концов, он прочитал об одиночных камерах «шпалерки». А вот степень его «политической грамотности» и вовлеченности во внутрипартийную жизнь (учитывая оговорку с «Северной – Полярной звездой») вызывает ряд вопросов.

После этого, как вновь подчеркивает Нифонт (Агафонов) в своих показаниях, *вместе с Аркадием Трефиловым* он выезжает в Самару, а затем (опять вместе) в Пермь. В начале 1906 года начинается пермский этап его революционной деятельности. Наш герой прибывает в город почти одновременно с Я.М. Свердловым и его женой – К.Т. Новгородцевой. Если верить участникам сборника «Борьба за власть» [41], друзья должны были застать активность социал-демократического подполья в период его максимального расцвета. Фамилия А.В. Трефилова действительно время от времени мелькает в их воспоминаниях, и это не случайно. Именно в это время он поддерживает регулярные контакты с Ольгой Двинятиновой (Патлых), бывшей тогда кем-то вроде координатора-распорядителя Пермского комитета РСДРП. После появления в Перми Артема (Ф.А. Сергеева) А.В. Трефилов, утверждают мемуаристы, преодолел свои меньшевистские колебания и стал тесно с ним сотрудничать.

И, разумеется, каждый, кто хоть вскользь касался полицейской операции 9–10 марта 1907 года, не мог не вспомнить о нем. А.В. Трефилов был арестован именно в ту пору, когда

[8] Михаил Андреевич Рейснер (1868–1928 гг.) – русский и советский учёный-юрист, публицист, социопсихолог и историк. Участник революционного движения. В конце 1905 года Рейснер возвратился в Россию из эмиграции. Участвовал в работе Первой конференции РСДРП в Таммерфорсе. После разгрома революции 1905 года вновь уехал за границу, где возглавил Парижскую высшую школу социальных наук.

только нелепая случайность[9] помешала задержать всех руководителей пермских партийцев. Более того, он проходил по одному судебному процессу с Л. Гольдманом, Артемом (Сергеевым) и др. Материалы этого процесса целиком опубликованы в III отделе второго тома сборника «Борьба за власть».

А вот Н.П. Агафонова не назвал никто. Ни разу, ни в каком контексте. Его воспоминания этого периода отличает крайняя невнятность. Упомянутая им типография не соответствует ни описанию типографии на ул. Монастырской, ликвидированной в июне 1906 года, ни типографии, закрытой в августе того же года[10]. Собственно, за пересыльной тюрьмой город заканчивался. Странным выглядит и то обстоятельство, что в его памяти не сохранились события, связанные с арестом товарища (А.В. Трефилова). Еще более странно, что он не указал хотя бы месяца своего ареста.

Автор затратил немало усилий, пытаясь отыскать упоминания о Николае Павловиче Агафонове в фондах Государственного архива Пермского края, относящихся к интересующему нас периоду[11]. Никаких следов ареста или привлечения к дознанию нашего героя обнаружено не было. Это, впрочем, не может служить доказательством того, что его не арестовывали. В 1907 году Пермская тюрьма была переполнена, и арестованных «политических» иногда содержали в полицейских участках. Приставы жаловались, что некуда пьяных мастеровых сажать, а жандармское начальство пеняло им на неподобающие условия содержания политических арестантов – отсутствие замков, решеток на окнах и пр.

Если попытаться определить тип исторической памяти, продемонстрированной Нифонтом (Агафоновым), то прежде всего стоит отметить ее групповой характер. Она принадлежит той общности, которая когда-то именовалась «социал-демократическая молодежь» и рекрутировалась из разночинной интеллигенции. К ней относились Н.П. Агафонов и А.В. Трефилов, с той только разницей, что последний вошел в «ядро» организации, а первый оказался в революционном движении «за кампанию с ним». Подобные молодые люди образовывали периферию, «свиту» настоящих подпольщиков-революционеров. Это было модно, дарило острые ощущения, позволяло чувствовать свою значимость и, в конце концов, нравиться девушкам[12]. Все это Николай Павлович вскоре с избытком получит на артистическом поприще и навсегда расстанется с РСДРП.

Второе, что обращает на себя внимание: воспоминания Нифонта (Агафонова), сохранив черты групповой ментальности, явно не прошли последующей обработки, не были стилизованы, так как он окончательно разорвал отношения с группой еще в 1919 году. В мемории отсутствуют обязательные паттерны – «враги» и «герои». В самом деле, он был, что называется, «на дистанции одного рукопожатия» от легендарных фигур пермского подполья, но не счел нужным даже назвать их. Ничего не сказал о могучем организаторском таланте Я.М. Свердлова, о неотразимом обаянии Артема (Сергеева). Он мог лично общаться с В.И. Лениным – доходный дом И.Ф. Лопа-

[9] «Но, в то время, когда я обратился по телефону в Городское полицейское управление к помощнику Полицмейстера Рупинскому, собрать и командировать в д. Кропачева наряд полиции, он мне ответил, что в городе, в районе II части вспыхнул значительный пожар, где необходимо его присутствие и куда посланы уже все наличные чины полиции, кроме и.о. Помощника пристава 2 части Смоленского» (Начальник Пермского охранного отделения – начальнику Пермского губернского жандармского управления. 10 апреля 1907 г. // ГАПК. Ф. ГАПК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 23. Л. 487 – 493 об.).

[10] «В начале августа была изъята вновь поставленная типография (в д. Овчинникова)» (Начальник Пермского охранного отделения – начальнику Пермского губернского жандармского управления. 10 апреля 1907 г. // ГАПК. Ф. ГАПК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 23. Л. 487 – 493 об.).

[11] Были просмотрены: Ф. 162 Пермское губернское жандармское управление МВД. Оп. 3. Дело 18. Ведомости лиц, привлеченных к дознанию, переписка с Пермским охранным отделением по агентурным донесениям и др. Т.2, Ф. 160. Пермское губернское жандармское отделение. Оп. 3. Д. 23. Сообщения начальника Пермского охранного отделения в Департамент полиции, протоколы дознаний и обысков и переписка о деятельности Пермского комитета РСДРП, о производстве обысков и арестах лиц, подозреваемых в революционной деятельности, распространении нелегальной литературы и др.

[12] Даже в весьма зрелом возрасте, уже будучи монахом, Н.П. Агафонов пользовался бешеным успехом у женщин. Дьякон Городищенской церкви М.И. Овчинников в 1929 году говорил о Нифонте: «Ходят к нам с батей бабы-то, верно любят нас» (Протокол допроса свидетеля Латышева П.С. от 20 ноября 1929 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 27-33.)

тина на углу Невского и набережной Фонтанки не настолько велик, чтобы в коридорах редакции «Новой жизни» их пути не пересеклись. Но и об этом он не вспомнил.

Оказавшиеся в распоряжении автора свидетельства исторической памяти западноуральских провинциалов, позволяют утверждать, что в ее тезаурус вписано большинство значимых событий российской истории начала XX века. Доминантой исторической памяти, точно совпадающей с границами социальных групп, оказались воспоминания о периоде Гражданской войны. Именно этот травматический опыт стал основой их дальнейших жизненных стратегий – как «выигрышных», так и «проигрышных».

Список литературы

1. Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

2. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.

3. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50.

4. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

5. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07 – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2003. – 44 с.

6. Протокол обыска и ареста от 22 июня 1934 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 61.

7. Дополнительные показания обвиняемого Белоусова Н.В. от 25 июня 1934 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 24 – 28.

8. Протокол допроса обвиняемого Белоусова Н.В. от 23 июня 1934 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 21 – 23.

9. Протокол допроса обвиняемого Солина П.Г. от 15 мая 1934 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 2 – 4.

10. Макаров С.О. Плавание «Ермака» на Новую Землю и Землю Франца-Иосифа в 1901 году // С.О. Макаров и завоевание Арктики. – Л.; М.: Изд-во Главсевморпути, 1943. – С. 163–182.

11. Макаров С., Кузнецов Н., Долгова С. Ледокол «Ермак». – М.: Паульсен, 2012. – 488 с.

12. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском Генеральном штабе. Действия флота. Документы. Отдел IV. 2-я тихоокеанская эскадра. Кн. третья. Бой 14–15 мая 1905 года. Выпуск 1. Донесения и описания участников боя // Русско-японская война 1904 – 1905 г.г. – Санкт-Петербург: Тип. Морского министерства, в Главном Адмиралтействе, 1912. – 331 с.

13. Занкина А.Н. Тема Русско-японской войны в новой экспозиции музея [Электронный ресурс] / Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей имени И.Д. Воронина. – URL: http://www.mrkm.ru/news/?id=1395 (дата обращения: 26. 03.2019).

14. Грибовский В.Ю. Эскадренный броненосец «Бородино». – СПб.: Гангут, 1995. – 40 с.

15. Фотокопия списка больных с госпитального судна «Орел» [Электронный ресурс]. – URL: https://radikal.ru/fp/34dfacf80e2f405ca 39908e54d3fd73b (дата обращения: 26.03.2019), https://radikal.ru/fp/ab10bba0b0044278 b593aeb0601f786a (дата обращения: 26.03.2019), https://radikal.ru/fp/89174e5a9d2a491787597d 248b704435 (дата обращения: 26.03.2019).

16. Протокол допроса обвиняемого Морсковатых М.Н. от 4 мая 1934 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 82 – 87.

17. Протокол допроса обвиняемого Морсковатых М.Н. от 4 августа 1934 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 106–108.

18. Протокол допроса обвиняемого Мичкова В.В. от 9 августа 1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 57 – 63.

19. Автобиография Агеева Д.А. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2, Оп. 1, Д. 27754. Л. 20 – 21.

20. Протокол допроса обвиняемого Соколова Г.И. от 11 сентября 1934 года // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т.2. Л. 39 – 42.

21. Кручинин А.М. Российский полк с финским именем: Очерки истории Оровайского полка (1811–1920). – Екатеринбург: Белая Россия, 2000. – 162 с.

22. Протокол допроса обвиняемого Соколова Г.И. от 11 сентября 1934 года // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т.2. Л. 39 – 42.

23. Протокол допроса обвиняемого Устюгова Н.М. от 11 мая 1934 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т.2. Л. 13 – 14 об.

24. Протокол допроса обвиняемого Мичкова В.В. от 9 августа 1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 57 – 63.

25. Протокол допроса обвиняемого Белоусова Н.В. от 23 июня 1934 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 21 – 23.

26. Протокол допроса обвиняемого Агафонова Н.П. от 10 августа 1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6961. Л. 82.

27. Протокол допроса обвиняемого Козьмина М.А. от 13 августа 1937 г. // ПермГАСПИ. 641/1, Оп. 1. Д. 12024. Л. 12.

28. Сообщение агентурного источника «Перо» от 9/III-1936 года. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6841. Л. 13 – 14.

29. Меморандум по агентурному делу Тетюева А.П. Агентурное сообщение от 31. Протокол допроса свидетеля Шаламова Л.А. от 17 августа 1937 года. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10469. Л. 8.

30. Характеристика на Шастина А.Ф. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Том 1. Л. 135-136.

31. Протокол допроса обвиняемого Шастина А.Ф. от 21 января 1936 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 5. Л. 89 – 90 об.

32. Дополнительные показания обвиняемого Шастина А.Ф. от 15 октября 1936 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 5. Л. 93 – 94.

33. Протокол допроса свидетеля Узякаева М.Ш. от 24 декабря 1936 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13391. Л. 108 – 108 об.

34. Казанков А. И. Два маргинала: парадоксы провинциальной культуры первой трети XX века // Культура и власть в СССР, 1920–1950-е годы: материалы IX междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 24-26 октября 2016 г. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 252–262.

35. Протокол допроса свидетеля Неустроева И.И. от 19 ноября 1929 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 4.

36. Протокол допроса обвиняемого Агафонова Н.П. от 10 августа 1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6961. Л. 82.

37. Ландсберг В.Е. Повседневная конспиративная работа в 1905 г.// Первая боевая организация большевиков 1905–1907 гг. Статьи, воспоминания и документы / сост. С.М. Познер; с предисл. М. Горького. – М.: Старый большевик, 1934. – 304 с.

38. Ул. Шпалерная, 25 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.citywalls.ru/house 7237.html (дата обращения: 27.03.2019).

39. Биографическая хроника В.И. Ленина. Т. II (1905–1912 гг.) [Электронный ресурс]. – URL: http://leninism.su/biograficheskie-xroniki-lenina/102-tom-22/3748-1905-noyabr-dekabr.html (дата обращения: 27.03.2019).

40. Русская периодическая печать (1895 – октябрь 1917): справочник. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. – 284 с.

41. Борьба за власть: в 2 т. – Пермь: Гублит, 1923. – Т. 2.

References

1. Assman Ian. Kul`turnaia pamiat`: Pis`mo, pamiat` o proshlom i politicheskaia identichnost` v vysokikh kul`turakh drevnosti [Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul`tury, 2004, 368 p.

2. Assman Aleida. Dlinnaia ten` proshlogo: Memorial`naia kul`tura i istoricheskaia politika [A Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, 328 p.

3. Nora P. Problematika mest pamiati [Problems of places of memory]. Frantsiia-pamiat`. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskii universitet, 1999, pp. 17-50.

4. Khal`bvaks M. Sotsial`nye ramki pamiati [Social framework of memory]. Moscow, Novoe izdatel`stvo, 2007, 348 p.

5. Repina L.P. Kul`turnaia pamiat` i problemy istoriopisaniia, (istoriograficheskie zametki) [Cultural memory and problems of historiography (historiographic notes)]. *Preprint WP6/2003/07*. Moscow, Natsional`nyi issledovatel`skii universitet «Vysshaia shkola ekonomiki», 2003, 44 p.

6. Protokol obyska i aresta ot 22 iiunia 1934 g. [The protocol of the search and arrest of June 22]. *PermGASPI (Permskii gosudarstvennyi arkhiv sotsialno-politicheskoi istorii*), f. 643/2, op. 1, d. 28183, t. 1, l. 61.

7. Dopolnitel`nye pokazaniia obviniaemogo Belousova N.V. ot 25 iiunia 1934 g. [Additional evidence of the accused Belousova H.The. from June 25, 1934]. *PermGASPI*, f. 643/2, op. 1, d. 28183, t. 1, l. 24 – 28.

8. Protokol doprosa obviniaemogo Belousova N.V. ot 23 iiunia 1934 g. [The protocol of interrogation of the accused Belousova H.The. dated June 23, 1934]. *PermGASPI*, f. 643/2, op. 1, d. 28183, t. 1, l. 21 – 23.

9. Protokol doprosa obviniaemogo Solina P.G. ot 15 maia 1934 g. [Protocol on interrogation of the accused Solina P.G. May 15, 1934]. *PermGASPI*, f. 643/2, op. 1. d. 28183, t. 2, l. 2 – 4.

10. Makarov S.O. Plavanie «Ermaka» na Novuiu Zemliu i Zemliu Frantsa-Iosifa v 1901 godu [The sailing of Ermak to the New Earth and Franz Josef Land in 1901]. S.O. Makarov i zavoevanie Arktiki. Leningrad; Moscow, Izdatel`stvo Glavsevmorput`, 1943, pp. 163–182.

11. Makarov S., Kuznetsov N., Dolgova S. Ledokol «Ermak» ["Ermak"]. Moscow, Paul`sen, 2012, 488 p.

12. Russko-Iaponskaia voina 1904 – 1905 gg. Rabota istoricheskoi komissii po opisaniiu deistvii flota v voinu 1904–1905 gg. pri Morskom General`nom shtabe. Deistviia flota. Dokumenty. Otdel IV. 2-ia tikhookeanskaia eskadra. Kniga tretia. Boi 14-15 maia 1905 goda. Iss. 1. Doneseniia i opisaniia uchastnikov boia [Russo-Japanese War of 1904 – 1905. The work of the Historical Commission for the description of the actions of the fleet in the war of 1904-1905 at the Marine General Staff. Fleet actions. Documents. Division IV 2nd Pacific Squadron. The third book. The battle of May 14-15, 1905. Issue 1. Reports and descriptions of the participants in the battle]. *Russko-Iaponskaia voina 1904 – 1905 gg*. Saint Petersburg, Tipografiia morskogo ministerstva, v Glavnom Admiralteistve, 1912, 331 p., available at: http://tsushima.su/forums/viewtopic.php?pid=271942#p271942 (accessed 26 March 2019).

13. Zankina A.N. Tema russko-iaponskoi voiny v novoi ekspozitsii muzeia [The theme of the Russo-Japanese War in the new museum]. Gosudarstvennoe biudzhetnoe uchrezhdenie kultury «Mordovskii respublikanskii obedinennyi kraevedcheskii muzei imeni I.D. Voronina», available at: http://www.mrkm.ru/news/?id=1395 (accessed 26 March 2019).

14. Gribovskii V.Iu. Eskadrennyi bronenosets «Borodino» [Squadron battleship “Borodino”]. Saint Petersburg, Gangut, 1995, 40 p.

15. Fotokopiia spiska bolnykh s gospitalnogo sudna “Orel”, available at: https://radikal.ru/fp/34dfacf80e2f405ca39908e54d3fd73b (accessed 26 March 2019); available at: https://radikal.ru/fp/89174e5a9d2a491787597d248b704435 (accessed 26 March 2019).

16. Protokol doprosa obviniaemogo Morskovatykh M.N. ot 4 maia 1934 g. [Protocol for interrogation of the accused Morskovatykh M.N.]. *PermGASPI*, f. 643/2, op. 1, d. 28183, t. 1, l. 82 – 87.

17. Protokol doprosa obviniaemogo Morskovatykh M.N. ot 4 avgusta 1934 g. [Protocol for interrogation of the accused Morskovatykh M.N. from August 4, 1934]. *PermGASPI*, f. 643/2, op. 1, d. 28183, t. 1, l. 106 – 108.

18. Protokol doprosa obviniaemogo Michkova V.V. ot 9 avgusta 1937 g. [Protocol of interrogation of the accused Michkov V.V. from August 9, 1937]. *PermGASPI*, f. 641/1, op. 1, d. 12702, t. 1, l. 57 – 63.

19. Avtobiografiia Ageeva D.A. [Autobiography Ageev D.A.]. *PermGASPI*, f. 643/2, op. 1, d. 27754, l. 20 – 21.

20. Protokol doprosa obviniaemogo Sokolova G.I. ot 11 sentiabria 1934 goda [Protocol for interrogation of the accused Sokolov G.I. dated September 11, 1934]. *PermGASPI*, f. 643/2, op. 1, d. 28183, t. 2, l. 39 – 42.

21. Kruchinin A.M. Rossiiskii polk sfinskim imenem: Ocherki istorii Orovaiskogo polka (1811-1920) [Russian regiment with the Sphinian name: Essays on the history of the Orovai Regiment (1811-1920)]. Ekaterinburg, Nauchno-issledovatelskii tsentr “Belaia rossiia”, 2000, 162 p.

22. Protokol doprosa obviniaemogo Sokolova G.I. ot 11 sentiabria 1934 goda [Protocol for interrogation of the accused Sokolov G.I. dated September 11, 1934]. *PermGASPI*, f. 643/2, op. 1, d. 28183, d.2, l. 39 – 42.

23. Protokol doprosa obviniaemogo Ustiugova N.M. ot 11 maia 1934 g. [Protocol for interrogation of the accused Ustyugov N.M. May 11, 1934]. *PermGASPI*, f. 643/2, op. 1, d. 28183, t.2, l. 13 – 14 ob.

24. Protokol doprosa obviniaemogo Michkova V.V. ot 9 avgusta 1937 g. [Protocol of interrogation of the accused Michkov V.V. from August 9, 1937]. *PermGASPI*, f. 641/1, op. 1, d. 12702, t. 1, l. 57 – 63.

25. Protokol doprosa obviniaemogo Belousova N.V. ot 23 iiunia 1934 g. [The protocol of interrogation of the accused Belousova H.The. dated June 23, 1934]. *PermGASPI*, f. 643/2, op. 1, d. 28183, t. 1, l. 21 – 23.

26. Protokol doprosa obviniaemogo Agafonova N.P. ot 10 avgusta 1937 g. [The protocol for interrogation of the accused Agafonov P.P. from August 10, 1937]. *PermGASPI, f.* 641/1, op. 1, d. 6961, l. 82.

27. Protokol doprosa obviniaemogo Kozmina M.A. ot 13 avgusta 1937 g. [The protocol of interrogation of the accused Kozmin M.A. from August 13, 1937]. *PermGASPI*, f. 641/1, op. 1, d. 12024, l. 12.

28. Soobshchenie agenturnogo istochnika «Pero» ot 9/III-1936 goda [The message of the intelligence source "Feather" from 9 / III-1936]. *PermGASPI*, f. 641/1, op. 1, d. 6841, l. 13 – 14.

29. Memorandum po agenturnomu delu Tetiueva A.P. Agenturnoe soobshchenie ot 31. Protokol doprosa svidetelia Shalamova L.A. ot 17 avgusta 1937 goda [Memorandum on the undercover case Tetyueva A.P. Agent report of 31. Protocol of interrogation of witness L. Shalamov dated August 17, 1937]. *PermGASPI*, f. 641/1, op.1, d. 10469, l. 8.

30. Kharakteristika na Shastina A.F. [Feature on Shastin A.F.]. *PermGASPI*, f. 643/2, op. 1, d. 21183, t. 1, l. 135-136.

31. Protokol doprosa obviniaemogo Shastina A.F. ot 21 ianvaria 1936 g. [The protocol of interrogation of the accused Shastin A.F. dated January 21, 1936]. *PermGASPI,* f. 643/2, op. 1, d. 28183, t. 5, l. 89 – 90 ob.

32. Dopolnitelnye pokazaniia obviniaemogo Shastina A.F. ot 15 oktiabria 1936 g. [Additional evidence of the accused Shastin A.F. from October 15, 1936]. *PermGASPI*, f. 643/2, op. 1, d. 28183, t. 5, l. 93 – 94.

33. Protokol doprosa svidetelia Uziakaeva M.Sh. ot 24 dekabria 1936 g. [Protocol of interrogation of witness Uzyakayev M.Sh. from December 24, 1936]. *PermGASPI*, f. 641/1, op. 1, d. 13391, l. 108 – 108 ob.

34. Kazankov A.I. Dva marginala: paradoksy provintsialnoi kultury pervoi treti XX veka [Two marginals: the paradoxes of provincial culture of the first third of the XX century]. *Kultura i vlast v SSSR, 1920-1950-e gody: Proceedings of the IX International Conference,* Saint Petersburg, 24-26 oktiabria 2016 g.; Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN), 2017, pp. 252-262.

35. Protokol doprosa svidetelia Neustroeva I.I. ot 19 noiabria 1929 g. [Protocol for interrogation of witness I. Neustroev from November 19, 1929]. *PermGASPI*, f. 641/1, op. 1, d. 8891, l. 4.

36. Protokol doprosa obviniaemogo Agafonova N.P. ot 10 avgusta 1937 g. [The protocol for interrogation of the accused Agafonov P.P. from August 10, 1937]. *PermGASPI*, f. 641/1, op. 1. d. 6961. l. 82.

37. Landsberg V.E. Povsednevnaia konspirativnaia rabota v 1905 g. [Everyday conspiracy work in 1905]. *Pervaia boevaia organizatsiia bolshevikov 1905 – 1907 gg. Stati, vospominaniia i dokumenty.* Moscow, Staryi bolshevik, 1934, 304 p.

38. Ulitsa Shpalernaia, 25 [St. Shpalernaya, 25], available at: http://www.citywalls.ru/house7237.html (accessed 27 March 2019).

39. Biograficheskaia khronika V.I. Lenina. Tom II (1905 – 1912 gg.) [Biographical Chronicle V.I. Lenin. Volume II (1905-1912)], available at: http://leninism.su/biograficheskie-xroniki-lenina/102-tom-22/3748-1905-noyabr-dekabr.html (accessed 27 March 2019).

40. Russkaia periodicheskaia pechat (1895 – oktiabr 1917) [Russian Periodical Press (1895 - October 1917)]. *Spravochnik*. Moscow, Politicheskaia literatura, 1957, 284 p.

41. Borba za vlast [The struggle for power]. Perm, Gublit, 1923, vol. 2.